

А. А. Чапенко

## ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ-ЛАТЫШЕЙ ИЗ 24-ГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА РККА 29–30 ИЮНЯ 1941 г.\*

В статье на основе неопубликованных источников и ранее не вводимых в широкий оборот публикаций латвийских историков рассматривается одна из малоизвестных страниц начального периода Великой Отечественной войны — демобилизация из 24-го латвийского территориального стрелкового корпуса Красной Армии военнослужащих-латышей 29–30 июня 1941 г. Автор статьи предпринята попытка не только показать ход этой демобилизации, но и ответить на вопрос о том, какие причины вынудили руководство СССР и Красной Армии предпринять данный шаг, какими процессами и результатами он сопровождался и насколько полное отражение получил в историографии. Библиогр. 13 назв.

*Ключевые слова:* Великая Отечественная война, Красная Армия, демобилизация, Прибалтийский особый военный округ, Латвийская армия, 27-я армия, 24-й территориальный стрелковый корпус, Латвийская ССР, Северо-Западный фронт, дезертирство, К. Аператс.

A. A. Chapenko

### DEMOBILIZATION OF LATVIANS FROM THE 24<sup>TH</sup> RED ARMY TERRITORIAL RIFLE CORPS ON JUNE 20–30, 1941

This article, on the basis of unpublished sources and publications of the Latvian historians previously not introduced into wide scientific circulation, considers one of little-known pages of an initial stage of the Great Patriotic War — demobilization of the military personnel of Latvians from the 24<sup>th</sup> Latvian territorial rifle corps of Red Army on June 29–30, 1941. The author of the article attempts to show not only the course of this demobilization, but also try to answer the question of what causes forced the leadership of the USSR and the Red Army to take this step, which processes and outcomes accompanied it, and what reflection it received in historiography. Key attention is paid to consideration of this perspective on the basis of the unpublished documents which had previously not been introduced into scientific circulation. Refs 13.

*Keywords:* Great Patriotic War, Red Army, demobilization, Baltic special military district, Latvian army, 27<sup>th</sup> army, 24<sup>th</sup> territorial rifles corps, Latvian Soviet Socialist Republic, Northwest front, K. Aperats.

Трагичный для СССР и Красной Армии начальный период Великой Отечественной войны до сих пор хранит массу тайн и загадок, разрешение которых серьезно затруднено в силу целого ряда объективных причин.

Во-первых, большинство документов воинских соединений, первыми встретивших врага у западных рубежей нашей Родины, погибли вместе с этими частями, навсегда сохранив в неизвестности подлинную свою историю. Во-вторых, значи-

---

*Чапенко Александр Александрович* — кандидат исторических наук, доцент, Мурманский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 183038, Мурманск, ул. Егорова, 15; achapenko@yandex.ru

*Chapenko Alexandr Alexandrovich* — PhD, Associate Professor, Murmansk Arctic State University, 15, ul. Kapitana Egorova, Murmansk, 183038, Russian Federation; achapenko@yandex.ru

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Мурманской области в рамках проведения научных исследований «Боевые действия в Заполярье 1941–1942 гг. в отражении неопубликованных источников: по материалам Центрального архива Министерства Обороны РФ», проект № 15-11-51003, руководитель А. А. Чапенко.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

тельная часть сохранившихся документов, находящихся в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), до сих пор не рассекречена. Хотя приказом Министра Обороны РФ № 181 от 8 мая 2007 г. с архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота за период Великой Отечественной войны грифы секретности были сняты, рассекречивание движется крайне низкими темпами. Часть фондов до сих пор недоступна для исследователей под предлогом защиты «тайны личной жизни» и сведений о «фактах и явлениях, дискредитирующих вооруженные силы» [Накануне скорбной даты — 70-летия начала Великой Отечественной войны...].

Все это, к сожалению, не позволяет на основе строго документального анализа построить целостную картину происходивших в те дни драматических событий и дать ответ на очень многие спорные вопросы и вместе с тем создает почву для появления целого спектра различных малоубедительных гипотез. Они опираются как на отрывочные документально подтвержденные факты, так и на мемуаристику и устные воспоминания немногих выживших участников этой грандиозной трагедии.

Одному из таких интригующих вопросов истории первых дней войны, который до сих пор вызывает острые споры как среди профессиональных историков, так и среди энтузиастов, как в Латвии, так и в России, посвящена данная статья.

Суть проблемы вкратце можно обрисовать следующим образом. 29–30 июня 1941 г., в самый разгар неудачного для Красной Армии начального этапа Великой Отечественной войны, в 24-м латвийском территориальном стрелковом корпусе, созданном на базе армии Латвийской республики и входившем в состав 27-й армии Северо-Западного фронта, было осуществлено странное и малопонятное в тех условиях мероприятие. Все военнослужащие латышской национальности из числа бывших офицеров, инструкторов и солдат Латвийской армии были в течение двух дней демобилизованы из Красной Армии и распущены по домам.

В условиях набравшей обороты войны, когда осуществлялась широкомасштабная мобилизация резервистов на территории СССР, когда каждый солдат, «каждый штык» был на вес золота, в одном из подразделений Северо-Западного фронта внезапно начинается такое абсурдное для военного времени в любой армии мероприятие, как демобилизация. Так, если быть кратким, выглядит исторический фон рассматриваемой проблемы.

Впервые об этой процедуре военнослужащие-латыши начали говорить фактически сразу после ее проведения, т. е. еще в июле 1941 г. Информация относительно данной демобилизации промелькнула в нескольких немецких периодических изданиях, выходивших в оккупированной гитлеровцами Латвии, например, в газете «Отечество» («Tevija»). В № 10 этого откровенно пронацистского издания 11 июля 1941 г. была опубликована пропагандистская антисоветская и отчасти антисемитская статья. В ней достаточно подробно и не без гордости говорилось об убийствах красноармейцами-латышами и командирами-латышами комсостава и политработников из числа русских, присланных в части корпуса после начала его формирования [Kā bolševiki neuzticības atmosfērā saira un beidzās latviešu teritoriālā korpusa gaitas, 1. lpp.]. Помимо этого в данной газете отмечалось, что 29 июня 1941 г. все военнослужащие латыши были демобилизованы из РККА по статьям 43-а и 43-б Положения о прохождении службы командным и начальствующим соста-

вом Рабоче-Крестьянской Красной Армии (Устава РККА) 1935 г. Пункт «а» статьи 43 предусматривал, согласно Уставу, увольнение за невозможность использования в связи с сокращением штатов или их реорганизацией, а пункт «б» — за служебное несоответствие [Положение о прохождении службы командным и начальствующим составом Рабоче-Крестьянской Красной Армии]. Причем в газете «Отечество» пункт «б» 43-й статьи был существенно искажен, заявлялось, что по этой статье солдат-латышей увольняли якобы за политическую неблагонадежность [Kā boļševiki neuzticības atmosfērā saira un beidzās latviešu teritoriālā corpusa gaitas, 1. lpp.].

В 1966 г. в Риге на латышском языке вышла фундаментальная монография, подготовленная авторским коллективом историков Латвийской ССР «Latviešu tautas cīņa Lielajā Tēvijas karā (1941–1945)» («Борьба латышского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945)»). В этом труде, приуроченном к 25-й годовщине начала Великой Отечественной войны, пожалуй, впервые открыто говорилось о демобилизации из рядов 24-го территориального стрелкового корпуса военнослужащих-латышей 29–30 июня 1941 г.: «На переходе к рубежу Опочка был получен приказ штаба Северо-Западного фронта о демобилизации командиров и рядовых солдат — граждан Латвийской ССР. Это мероприятие было мотивировано тем, что были зафиксированы случаи дезертирства из литовского и латвийского территориального корпусов. Но демобилизация из 24-го латвийского территориального корпуса была ошибкой. Это, так же как невозможность проведения мобилизации, создало трудности в отпоре и мобилизации сил латвийского народа» [Latviešu tautas cīņa Lielajā Tēvijas karā 1966, 82–83. lpp.].

Спустя четыре года, в 1970 г., к 25-летию победы в Великой Отечественной войне, авторский коллектив историков Латвийской ССР выпустил еще более солидный и переработанный вариант вышеуказанного труда (на русском языке) — «Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945». В нем уже вполне конкретно было заявлено о том, что данная демобилизация проводилась в соответствии с приказом командующего Северо-Западного фронта. Причиной демобилизации были объявлены «случаи дезертирства из латышского и литовского корпусов» и то, «что некоторые из граждан молодых республик проявили политическую неустойчивость». Также в этой фундаментальной работе подчеркивалось, что у части личного состава корпуса не было желания сражаться с врагом, и они становились фактически балластом. При этом авторы, надо отдать им должное, не обошли вниманием и то, что часть уволенных из рядов РККА, несмотря на демобилизацию, желала продолжить службу в рядах Красной Армии. Многие из уволенных из корпуса командиров и красноармейцев затем в 1943–1944 гг. были поставлены под ружье гитлеровцами (фактически были мобилизованы или добровольно вступили в Латвийский легион СС) [Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1970, с. 134].

Автором этого раздела был известный латвийский историк советского периода, доктор исторических наук Василий Иванович Савченко, занимавшийся в советские годы историей начального периода Великой Отечественной войны в Латвии, в том числе и историей 24-го территориального стрелкового корпуса. В своих публикациях 70-х — конца 80-х годов прошлого века В. И. Савченко неоднократно затрагивал тему демобилизации военнослужащих-латышей из рядов 24-го территориального стрелкового корпуса РККА. Те факты, которые он привел в труде

«Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945», он использовал затем в монографии «Латышские формирования Советской армии на фронтах Великой Отечественной войны», изданной в Риге в 1975 г. [Савченко 1975, с. 46–47], и ряде своих статей. Именно В. И. Савченко впервые привел точную численность демобилизованного личного состава — 600 командиров и 1400 сержантов и красноармейцев [Savčenko 1975, 68–69. lpp; Latvijas armijas augstākie virsnieki, 1998, 44. lpp]. Он также был первым, кто обратил внимание, что именно деструктивные процессы, происходившие в корпусе как накануне войны, так и после ее начала, помешали переброске его частей для контрудара по противнику, захватившего плацдарм в районе Даугавпилса [Савченко 1975, с. 46].

В 2007 г. в Латвии была издана работа историка А. Петерсонса, в которой он, вне всякой логики, утверждал, что одной из главных причин, которая подвигла руководство РККА уволить военнослужащих латышей, была «боязнь комиссаров за свою жизнь». Уволенные бойцы-латыши получали документ, подтверждающий их демобилизацию по вышеуказанным статьям, но боялись его предъявлять, опасаясь, что отступающие кадровые части РККА примут их за дезертиров [Pētersons 2007, 199. lpp].

Попытаемся разобраться, в силу каких причин в столь непростые дни начального периода Великой Отечественной войны потребовалась демобилизация?

К лету 1941 г. социально-политический климат в 24-м латвийском территориальном стрелковом корпусе (как, собственно, и в аналогичных ему по составу эстонском и литовском территориальных корпусах) был крайне напряженным. Несмотря на предпринятые в течение 1940–1941 гг. усилия по очищению рядов корпусов от неблагонадежных лиц, к началу лета 1941 г. в их рядах сохранялось значительное количество антисоветского элемента. Сгладить все более углублявшийся антагонизм между бывшими офицерами и инструкторами бывших национальных армий, ставших командирами Красной Армии, и политработниками и кадровым комсоставом РККА не удавалось. Привыкшие к иному укладу несения службы, дисциплине, военной и новой для них политической подготовке, бойцы и бывшие офицеры всех трех армий уже к осени 1940 г. начали выказывать явное недовольство службой в Красной Армии. Причем если бывшие офицеры были недовольны преимущественно политической составляющей службы, то рядовой и сержантский состав в основном связывал свои негативные настроения с плохим питанием, ухудшением условий жизни, увеличением числа нарядов, сокращением увольнительных, хозработами и политзанятиями. Свою роль сыграл и языковой барьер, который преодолевался крайне медленно.

Руководство ПриБОВО и советские командиры, направленные в корпуса, прекрасно осознавали ситуацию и предпринимали меры по нормализации обстановки и морально-политического климата в корпусах. Однако увольнение неблагонадежных командиров из числа бывших офицеров и абсолютного большинства унтер-офицеров — сверхсрочников (инструкторов), попытки увеличить в корпусах численность комсомольцев, членов и кандидатов в члены КП(б) Латвии, активизация пропагандистской работы и попытки ужесточить дисциплину проблемы не решили.

К весьма противоречивым результатам привела и осуществленная 14 июня 1941 г., буквально накануне начала Великой Отечественной войны, акция по аресту

большой части комсостава корпуса из числа бывших офицеров и генералов ликвидированной Латвийской армии. С одной стороны, этот шаг позволил выявить и нейтрализовать наиболее антисоветски настроенных военнослужащих латвийского территориального корпуса. С другой стороны, арест большей части комсостава сорвал нормальную боевую учебу, привел к еще большему росту антисоветских высказываний среди солдат-латышей и в целом способствовал усилению внутреннего напряжения теперь уже среди рядового состава корпуса. К тому же среди личного состава подразделений начала обсуждаться просачивающаяся информация о масштабах первой в истории Латвии массовой депортации латышей 14 июня 1941 г. Недовольство вызывала и полная смена комсостава в обеих дивизиях корпуса. Место «своих» командиров (бывших офицеров) заняли новые — русские, белорусы, татары, т. е. «чужие», кадровые командиры РККА. Первые факты дезертирства и ухода в лес личного состава частей корпуса фиксировались еще до 22 июня 1941 г. Всего до событий 29–30 июня 1940 г., по данным латвийской стороны, отраженным в учебнике И. Кениньша «История Латвии», изданном в Риге в 1997 г., из корпуса дезертировало 124 командира (бывших офицера) и 436 сержантов (бывший инструкторский состав) [Кениньш 1997, с. 170].

Все это позволяет утверждать, что уже к моменту нападения Германии на СССР внутри прибалтийских территориальных корпусов (в данном случае 24-го латвийского) сложилась в буквальном смысле взрывоопасная обстановка, чреватая непредсказуемыми последствиями, если бы не началась война.

Начало Великой Отечественной войны 24-й латвийский территориальный стрелковый корпус встретил разбросанным по нескольким районам в глубине Латвии, достаточно далеко от линии фронта. Штаб и 181-я территориальная стрелковая дивизия располагались в районе летнего лагеря корпуса в Литене, близ Гулбене [История Прибалтийского военного округа 1967, с. 80]. 183-я территориальная стрелковая дивизия совершала марш-маневр из Гулбене в так называемый Рижский летний лагерь (он находился в районе Царникавы, в 120 км севернее Риги) для прикрытия побережья Рижского залива в этом районе [Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1970, с. 134]. 111-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион находился в Риге [Savčenko 1989, 69. lpp].

В связи с началом войны личный состав корпуса поголовно должен был получить на руки оружие и боеприпасы. Однако фонды Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) рисуют противоречивую картину: в одних документах указывается, что личный состав получил на руки и оружие, и боеприпасы по полной выкладке [Боевые донесения штаба корпуса частей и соединений 25 июня — 12 августа 1941 г., л. 9], в других — что оружие на руках имели, но патронов к ним не выдавали, даже тем, кто заступал в боевое охранение и караулы. Есть и третья точка зрения: командирам и бойцам из числа бывших военнослужащих Латвийской армии вообще не выдали ни оружия, ни боеприпасов [Боевые донесения штаба корпуса частей и соединений 25 июня — 12 августа 1941 г., л. 16, 18].

Сразу начали возникать проблемы и мобилизационного характера — приписной состав из Латвийской ССР в корпус не прибыл, в силу этого развернуть многие части по штатам военного времени не удалось [Боевые донесения штаба корпуса частей и соединений 25 июня — 12 августа 1941 г., л. 4]. Еще с 20-го числа и вплоть до 25 июня в корпус начали прибывать призывники из Московской обла-

сти [Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1970, с. 133]. Также имеются неподтвержденные сведения о призыве резервистов из Ярославля и Рыбинска, что еще сильнее должно было усиливать неразбериху. Часть личного состава носила советское обмундирование, часть — форму бывшей Латвийской армии, отдаленно напоминавшую немецкую (каска были немецкими), но с советскими знаками различия. Вновь прибывшие призывники вообще ходили в гражданской одежде, так как для них в корпусе просто не было необходимых комплектов обмундирования. Обстановка все более осложнялась: в руках формально красноармейцев, а на самом деле антисоветски настроенных бывших военнослужащих Латвийской армии, теперь оказалось оружие и, возможно, боевые патроны к нему. Повторить сценарий 14 июня 1941 г. после 22 июня возможности не было. Для этого ни у руководства 24-го территориального стрелкового корпуса, ни у местного НКВД Латвийской ССР уже не хватало ни сил, ни времени, ни возможностей. Наличие боевого оружия с боевыми патронами в руках личного состава могло привести к тому, что любая попытка ареста или даже принудительного разоружения солдат корпуса, на глазах которых фактически проводилась акция 14 июня 1941 г., была чревата прямыми вооруженными столкновениями между военнослужащими корпуса и теми, кто попытался бы их разоружить. После 22 июня 1941 г. русским командирам и политработникам стреляли в спину, портили имущество и оружие, угоняли автотранспорт, распространилось дезертирство [Боевые донесения штаба корпуса частей и соединений 25 июня — 12 августа 1941 г., л. 19].

В этой ситуации демобилизация была наименьшим из зол, в итоге данный замысел и был реализован.

Интересная история в контексте событий этого времени в Латвии связана с корпусным батальоном связи. В латвийской историографии за батальоном прочно закрепилась слава подразделения, которое практически в полном составе (три роты) с оружием в руках, вместе со своим командиром подполковником Карлисом Аператсом, дезертировало из корпуса и начало боевые действия в Вецпиебалгских лесах против отступающих частей РККА [Latvijas armijas augstākie virsnieki, 1998, 69. lpp]. В реальности демобилизацию латышей-связистов 29–30 июня пытались замедлить в силу того, что вся аппаратура связи в корпусе в основном была не советской, а импортной, в том числе и латвийского производства завода VEF. Работать с ней советские связисты не могли. Поэтому, демобилизовав пехотинцев, артиллеристов, саперов и прочих специалистов, старались до поры до времени удержать связистов и также необходимых для обслуживания иностранной автомобильной техники шоферов. Однако это не помогло — в ночь с 29 на 30 июня и с 30 июня на 1 июля, уже во время марша к границе Латвийской ССР с РСФСР, связисты, захватив часть автотранспорта и документы части, также разбежались. Командование остатками 511-го корпусного батальона связи принял капитан А. Мильченко, который и составил по этому поводу подробное донесение в штаб 24-го территориального стрелкового корпуса [Боевые донесения штаба корпуса частей и соединений 25 июня — 12 августа 1941 г., л. 16]. Штаб корпуса в результате этих событий остался без связи со штабом армии и потерял возможность управления войсками [Боевые донесения штаба корпуса частей и соединений 25 июня — 12 августа 1941 г., л. 19].

Таким образом, к границе с РСФСР корпус отступил, потеряв в результате дезертирства и демобилизации 29–30 июня 1941 г. практически весь комсостав

и часть рядового состава из числа бывших офицеров, унтер-офицеров и рядовых Латвийской армии. Отдельные соединения корпуса сохранили верность присяге, данной Советскому Союзу 23 февраля 1941 г. Например, достойно сражался с врагом под Новосокольниками, Гжатском, Можайском и Кубинкой 111-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. Это соединение сумело, сохранив матчасть, даже вырваться из вяземского котла [Петренко 2010, с. 6]. Но это было скорее исключение из общего правила.

Демобилизация 29–30 июня 1941 г., по сути, стала некоей финальной точкой необычного и, по мнению автора данной статьи, в корне ошибочного шага по попытке интегрировать в 1940–1941 гг. армию буржуазного государства, строившуюся совсем по иным принципам, нежели РККА, в состав Вооруженных Сил Советского Союза. Демобилизация наглядно показала всю бесперспективность этого процесса и заставила по-новому в последующем подойти к принципам формирования национальных, в том числе и латышских частей в Красной Армии.

### Источники и литература

- Боевые донесения штаба корпуса частей и соединений 25 июня — 12 августа 1941 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 873. Управление 24-го территориального стрелкового корпуса. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–19.
- Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Рига: Зинатне, 1970. 794 с.
- История Прибалтийского военного округа 1940–1967. Рига: [Б. и.], 1967. 480 с.
- Кениньш И. История Латвии. Рига: Zvaigzne ABC, 1997. 255 с.
- Накануне скорбной даты — 70-летия начала Великой Отечественной войны, 17 июня 2011 года, Совет при Президенте РФ провел специальное заседание, посвященное состоянию открытости и доступности документов периода Великой Отечественной войны. 11 сентября 2011. URL: <http://www.president-sovnet.ru/news/1075/> (дата обращения: 30.08.2015).
- Петренко А. И. Прибалтийские дивизии Сталина. М.: Вече, 2010. 384 с.
- Положение о прохождении службы командным и начальствующим составом Рабоче-Крестьянской Красной Армии. URL: <http://www.rkka.ru/docs/all/p220935.htm> (дата обращения: 30.08.2015)
- Савченко В. И. Латышские формирования Советской армии на фронтах Великой Отечественной войны. Рига: Зинатне, 1975. 577 с.
- Latvijas armijas augstākie virsnieki. 1918–1940. Biogrāfiska vārdnīca. Rīga: Latvijas Valsts vēstures arhīvs, Nordik, 1998. 527. lpp.
- Latviešu tautas cīņa Lielajā Tēvijas karā (1941–1945). Rīga: Zinatne, 1966. 653. lpp.
- Pētersons A. Krustugunīs: Latviešu karotmāka. 1940–1945. 60 gadus no tautas slēptais. Rīgā: Autora izdevums, 2007. 600. lpp.
- Savčenko V. 24. strelnieku korpusta liktenis // Padomju Latvija Komunisti. 1989. No. 2. 69–86. lpp.
- Kā boļševiki neuzticības atmosfērā saira un beidzās latviešu teritoriālā corpusta gaitas, Tēvija. 1941. No. 10, 11. jūlija. 1. lpp.

**Для цитирования:** Чапенко А. А. Демобилизация военнослужащих-латышей из 24-го территориального стрелкового корпуса РККА 29–30 июня 1941 г. // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. История. 2016. Вып. 2. С. 53–60. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.204

### References

- Boevye doneseniia shtaba korpusta chastei i soedinenii 25 iunია — 12 avgusta 1941 g. [Battle reports of staff housing units and formations June 25 — August 12, 1941]. *Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva Oborony RF (TsAMO RF)* [Central archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation], f. 873. *Upravlenie 24-go territorial'nogo strelkovogo korpusta* [Command of the 24<sup>th</sup> Territorial Infantry Corps], op.1, d. 8. (in Russian, unpublished)
- Bor'ba latyshskogo naroda v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1945* [The struggle of the Latvian people in the Great Patriotic War 1941–1945]. Rīga, Zinatne Publ., 1970, 794 p. (in Russian)

- Istoriia Pribaltiiskogo voennogo okruga 1940–1967 [History of the Baltic Military District]*. Riga, [S. p.], 1967, 480 p. (in Russian)
- Kenin'sh I. *Istoriia Latvii [History of Latvia]*. Riga, Zvaigzne ABC Publ., 1997, 255 p. (in Russian)
- Nakanune skorbnoi daty — 70-letiia nachala Velikoi Otechestvennoi voiny, 17 iunija 2011 goda, Sovet pri Prezidente RF provel spetsial'noe zasedanie, posviashchennoe sostoianiiu otkrytosti i dostupnosti dokumentov perioda Velikoi Otechestvennoi voiny. 11 sentiabria 2011 [The day before the sorrowful date — the 70<sup>th</sup> anniversary of the Great Patriotic War, June 17, 2011, the Presidential Council held a special meeting on the state of openness and accessibility of the documents of the Great Patriotic War. September 11, 2011]*. Available at: <http://www.president-sovet.ru/news/1075/> (accessed 30.08.2015) (in Russian)
- Petrenko A. I. *Pribaltiiskie divizii Stalina [Baltic Division of Stalin]*. Moscow, Veche Publ., 2010, 384 p. (in Russian)
- Polozhenie o prokhozhenii sluzhby komandnym i nachal'stvuiushchim sostavom Raboche-Krest'ianskoi Krasnoi Armii [Regulation on service commanders and officers of the Red Army]*. Available at: <http://www.rkka.ru/docs/all/p220935.htm> (accessed 30.08.2015) (in Russian)
- Savchenko V. I. *Latyshskie formirovaniia Sovetskoi armii na frontakh Velikoi Otechestvennoi voiny [Latvian formation of the Soviet Army in the Great Patriotic War]*. Riga, Zinatne Publ., 1975, 577 p. (in Russian)
- Latvijas armijas augstākie virsnieki 1918–1940. Biogrāfiska vārdnīca [Senior officers of the Latvian army 1918–1940. Biographical Directory]*. Rīga, Latvijas Valsts vēstures arhīvs, Nordik Publ., 1998, 527 p. (in Latvian)
- Latviešu tautas cīņa Lielajā Tēvijas karā (1941–1945) [The struggle of the Latvian people in the Great Patriotic War (1941–1945)]*. Riga, Zinatne Publ., 1966, 653 p. (in Latvian)
- Pētersons A. *Krustugunīs: Latviešu kaŗotmāka 1940–1945. 60 gadus no tautas slēptais [Fiery cross: Latvian fight 1940–1945: 60 years of concealment from the people]*. Riga, Author's edition, 2007, 600 p. (in Latvian)
- Savčenko V. 24. strelnieku korpusa liktenis [Destiny of the 24<sup>th</sup> Territorial Infantry Corps]. *Padomju Latvija Komunisti [Communist of the Soviet Latvia]*, 1989, no. 2, pp. 69–86 (in Latvian)
- Kā boļševiki neuzticības atmosfērā saira un beidzās latviešu teritoriālā korpusa gaitas [As the atmosphere of distrust of the Bolsheviks led to the collapse of the Latvian territorial corps]*, *Tevija [Native land]*, 1941, no. 10, 11 July, p. 1 (in Latvian)

**For citation:** Chapenko A. A. Demobilization of Latvians from the 24th Red Army territorial rifle corps on June 20–30, 1941. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 2. History*, 2016, issue 2, pp. 53–60. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.204

Статья поступила в редакцию 13 сентября 2015 г.